

Чирок и беркут

якутская народная сказка

В одной южной стране как-то все птицы слетелись на свое общее собрание.

— Уж очень жарко, знойно бывает у нас летом, — говорили они меж собой. — Сами мучаемся без воды, и наши яйца в гнездах при такой жаре протухают, и птенцы, не родившись, погибают. Не выбрать ли нам кого поумней да посильней, и не послать ли его поискать другую страну, посеверней нашей?

И решено было послать беркута: он, мол, при его силе, в дороге не пропадет; проголодается — пищу всегда найдет, воды не будет — он может и без воды обойтись. А к тому же и умом эту птицу бог не обидел.

— Лети, беркут, все узнай, а вернешься — нам расскажешь.

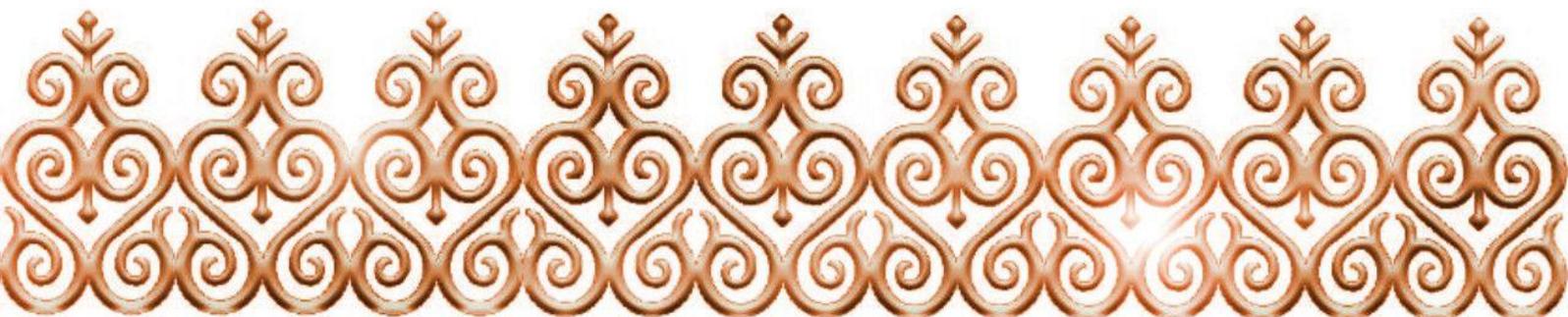
Попрощавшись со своей супругой беркутихой и малыми детьми, полетел беркут на север — только большая черная тень по земле стелется.

Беркут улетел, а около его супруги начал увиваться чирок — маленькая, самая малая из всей утиной породы, птичка. Чем-то — может, своим красивым опереньем — приглянулся чирок и супруге беркута. Она дала ему какое-то поручение, и тот с необыкновенным проворством выполнил его. Мало-помалу они сдружились, а потом и вошли в любовную связь. Целый год блаженствовал маленький чирок!

По прошествии года, все так же в сопровождении большей черной тени, прилетел беркут.

Узнав о возвращении беркута, опять весь птичий народ собрался в одно место. Всем интересно было уз-, нать, в каких местах побывал их посланник, что видел, какие добрые вести привез.

— Где побывал, что повидал — рассказывай, да поскорее! — закричали все хором. — Жаждались.

— Рассказывать-то особенно не о чем, — так начал беркут. — Напрасно летал. Для птиц, которые живут на деревьях, там нет ни одного приличного дерева. Для тех, что селятся на воде, нет ни одного озера, даже ни одной ложбинки с водой, где бы можно было поплавать. Густым туманом покрыта там земля, ветры и вихри продувают ее насквозь. Неуютная, неприятная земля!..

А тем временем бойкий чирок появился в гнезде беркута.

— Что ты, что ты, малец! — замахала на него крыльями беркутиха. — Разве не слышал: муж вернулся!

— Потому я и прилетел, — отвечал смелый чирок. — Его птичий народ еще не скоро отпустит, а того, что меня там нет, тоже никто не заметит. Помилуемся напоследок, простимся как следует, неизвестно, когда еще вместе быть придется.

Забрался чирок в огромное гнездо беркута, целует, милует свою любушку, всякие нежные слова говорит,

И не заметил, как время пролетело и беркут показался.

— Ой, куда же мне спрятаться? — струхнул чирок. — Улетать нельзя — беркут обязательно увидит.

— Сядь на сучок под гнездом. На твоё счастье, темнеет, и близорукий беркут тебя не заметит, — сказала его любовница.

Чирок так и сделал.

А беркут только успел сесть в гнездо — сразу же жене:

— Сама готовься и детей готовь в путь-дорогу. Там, на севере, прекрасные места, оказывается. И не жарко, и лесу столько, сколько надо, чтобы на случай в нем схорониться, и всякой дичи полно, только охоться.

— И много птичьего народа туда собирается лететь? — спросила беркута жена.

— Никто не полетит, — ответил беркут. — Я им сказал, что страна та неприютная, ветреная и морозная, полетят — все померзнут... Так что переселимся туда мы одни, расплодимся на приволье и заживем как господа. Чирок все это слушает. Слушает и слышит, что замолчавший беркут начал делать со своей женой то же самое, что он, чирок, сам только что делал: целовать да миловать. Взыграла ревность у чирка: как-никак за год супругу беркута он уже привык считать почти что своей супругой. Не выдержал чирок и с криком «Чус!» сорвался со своего сучка и полетел прочь. Вспугнутый криком чирка беркут резко встрепенулся в своем гнезде, и оно с треском рухнуло на землю.

— Чей это голос? — спросил грозно беркут у супруги.

— Спрашиваешь про какой-то голос, хотя сам слышал всего лишь звук обломившегося и упавшего сучка, — спокойно ответила хитрая, как и все женщины, супруга.

— Что-то непохоже.

Какое-то время беркут еще сомневался. Но ведь никаких доказательств у него все равно не было. Так что разговор тем и кончился.

Наутро опять собралось птичье собрание, и чиров на нем сказал, что на севере хорошая земля.

— А откуда ты знаешь? — спросили его.

— Я залез под гнездо беркута: послушаю, думаю, что он своей жене будет рассказывать. Вот он ей и сказал, какая богатая земля на севере, очень богатая... Не верите? Да у него еще гнездо свалилось — можете поглядеть и убедиться, что я говорю правду.

— Ну, если твоя правда, то надо выбирать другую уважаемую птицу и снова посылать на север. Начав дело, надо его кончать.

Тут как раз на собрание пришел неторопливым шагом беркут.

— Как ночевал, почтеннейший? — делая вид, что ничего не знают, спросили его птицы.

— Не очень хорошо. Гнездо мое свалилось.

Тут птичий народ усмехнулся, друг с другом перемигнулся: выходит, чирок и в самом деле сказал правду!

А беркуту так было сказано:

— Вот ты, почтеннейший, вчера сказал нам, что в северной стране никто не сможет жить. Выслушали мы тебя со вниманием, хотя твои слова и очень нас огорчили, поскольку мы надеялись на хорошие вести. Надежда эта не оставляет нас и после твоего рассказа. А что, если тебе не повезло и ты не попал в хорошие места? Не может быть, чтобы в той стране, откуда приходит прохладный ветер, не было хорошего для нас места!.. Вот мы и думаем послать туда другую, столь же уважаемую всеми нами птицу. Может, она будет более удачливой. А тебя хотим спросить: не покажется ли тебе обидным наше решение?

— Какие могут быть обиды? — ответил беркут. — Всякие обиды тут неуместны.

Тогда пернатый народ обратился к журавлю:

— Старец журавль! Ты у всех нас пользуешься большим почтением и уважением. Ты и собой очень видный, и летаешь хорошо. Встретится сухое место — ты спустишься и червями или гадами подкрепишься. Встретится вода — ты и по воде можешь пешком ходить и рыбку себе добывать. Потому мы и выбираем тебя нашим послом-разведчиком. Разведай для всех нас новые северные места! Бьем челом, господин журавль!

Журавль не заставил себя долго просить.

— Благодарю за доверие, — сказал он, поклонившись птичьему собранию. — Постараюсь в меру сил своих его оправдать.

Но тут, откуда ни возьмись, в самую середину пернатого собрания протиснулась невзрачная такая утка-коротышка по прозвищу лахааттка.

— Да вы что, все рехнулись, что ли? — неприятным, скрипучим голосом заговорила лахааттка. — Для такого ответственного дела выбрать такую бестолковую птицу! Какие такие достоинства вы увидели в ней? Длинные ноги, столь же длинную шею и дурацкий крик на вечерней заре? Не слишком ли мало? Ведь у этой нелепой птицы нет ни ума, ни памяти. Поверьте мне, она доберется до первого попавшегося озера, наглотается по горло лягушек и, забыв куда и зачем ее послали, воротится назад. Вот увидите...

Каково было только что возвеличенному журавлю слышать эти дерзкие, ругательные слова от какой-то глупой утки! Каково ему было терпеть такое унижение!

И он не вытерпел. Ни слова не говоря, он шагнул к лахааттке и гневно обрушил на нее свой могучий клюв.

Журавль бил лахааттку до тех пор, пока не переломал ей ноги и не перебил крылья. Вполне возможно, он бы заклевал утку и до смерти, но на помощь подоспели другие птицы.

— Больно! Невыносимо больно! — стонала еле живая лахааттка. — И это мы называем свободой слова! Каждый волен говорить на таком собрании, что он думает, но, оказывается, если слабый скажет что-то такое, что не понравится сильному, то сильный с ним может тут же расправиться. Какой позор!.. Теперь-то хоть вы видите, кого вы выбрали, какой это мудрый и рассудительный господин?!

— И в самом деле, напрасно ты, журавль, устроил лахааттке самосуд. За ее дерзкие слова она бы и так, по закону, понесла суровое наказание. Так что тебя с той высокой должности впору снимать, да найдется ли другая, более достойная птица?

На это лахааттка возмущенно проскрипела:

— Нет, вы послушайте, что говорят наши старейшины! Они говорят, что, кроме журавля, среди пернатых нет никого достойного. Да это что, насмешка? Разве вы ослепли и не видите — вон сидит молодец-удалец орел. У него одно имя-то чего стоит! Кто еще может видеть так зорко и так далеко? Кто еще из птиц летает так высоко? Кто еще так же умен и великодушен, как он? Или вы опять будете выбирать не по уму, а по клюву?

— А ведь подумать — эта пострадавшая за общее дело птица говорит правильно, — согласились старейшины. — Ведь орел и в самом деле лучший из лучших среди нашего пернатого племени. У кого еще такие же могучие крылья, как у орла? И кто может сравняться с ним в мудрости и рассудительности? Давайте попросим господина орла.

Для орла ничего не стоило слетать в те же места, где был незадолго до того беркут. И, вернувшись назад, он сказал:

— Места превосходные. Там ни одно яйцо не протухнет, ни один птенец не погибнет. Нечего зря и время терять — надо всем отправляться туда.

В шумных сборах в дальнюю дорогу птицы совсем позабыли о калекке лахааттке. И уже только перед самым отлетом услышали ее скрипучий голос:

— Это что же — вы оставляете меня одну? Оставляете на верную гибель?

Птицы устыдились и пришли вот к какому решению:

— Это журавль виноват в том, что лахааттка не может лететь, как другие птицы, это он переломал ей и ноги и крылья. Так пусть он посадит лахааттку себе на спину и летит с ней вместе.

Как отнесся журавль к такому решению, и тогда осталось неизвестным, а теперь и подавно толком никто не знает. Известно только, что лахааттка появляется в наших северных местах очень и очень редко. Беркут, правда, прилетает, но прячется по лесам.

